

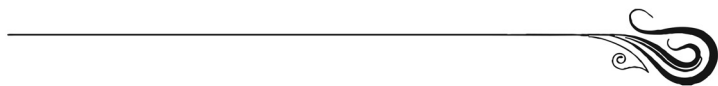
ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

Читайте все книги НИКОЛАЯ СВЕЧИНА:

1. Завещание Аввакума
2. Охота на царя
3. Роковые числа
4. Хроники сыска
5. Выстрел на Большой морской
6. Пуля с Кавказа
7. Дело Варнавинского маньяка
8. Варшавские тайны
9. Мертвый остров
10. Убийство церемониймейстера
11. Московский апокалипсис
12. Туркестан
13. Удар в сердце
14. Темные всадники
15. Дознание в Риге
16. Касьянов год
17. Лучи смерти
18. Тифлис 1904
19. Банда Кольки-куна
20. По остывшим следам
21. Фартовый город
22. Узел
23. Случай в Семипалатинске
24. Одесский листок сообщает
25. Столица беглых
26. Восьмое делопроизводство
27. Кубанский огонь
28. Взাপерти
29. Паутина
30. На краю
31. В отсутствие начальства
32. Как Лыков не стал генералом
33. Уральское эхо
34. Дела минувшие
35. Ледяной ветер Суоми
36. Мечь — дело горячее
37. Адский прииск
38. Секретные люди

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**СЕКРЕТНЫЕ
ЛЮДИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Секретные люди / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-221747-0 (Сыщики и воры. Исторические детективы Николая Свечина)

ISBN 978-5-04-221684-8 (Исторические детективы Николая Свечина)

Рождественский Петроград. За роскошным ужином в модном ресторане сыщики Лыков и Азвестопуло обращают внимание на двух подозрительных типов, сидящих неподалеку. Один из них — молодой, по виду фартовый с явно уголовными манерами. Второй бритый, щеки аж лоснятся — без сомнения, немец. Сыщиков хоть и развезло маленько, но все же они решают проследить за подозрительными субъектами.

Однако блатной и немец ловко растворяются в сырой питерской ночи. Их следы приводят сыщиков в гостиницу «Митава», где коридорный не раз видел парочку в отдельном номере. Вот и прекрасно! Сейчас криминалисты идентифицируют уголовного по пальчикам и узнают его имя в регистрационном бюро Департамента полиции.

Результаты экспертизы оказались просто ошеломительными... В гостиничном номере нашли лишь отпечатки немца Веделе. Других не было. Точнее, были, но без папиллярных линий. И как же идентифицировать следы, которых нет?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221747-0
ISBN 978-5-04-221684-8

© Свечин Н., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Подозрительные личности Петрограда

Лыков вышел на улицу, осмотрелся. Восьмой час вечера... Каменноостровский проспект был ярко освещен, по нему в обе стороны сновали люди, катили экипажи, мигали сигнальными огнями трамваи. Оставалось чуть больше недели до Рождества, и питерцы готовились к празднику, закупали подарки для близких и всякую снедь.

Статский советник сел в трамвай второго маршрута, что курсировал между Новой Деревней и Михайловской площадью. Ему было лень тащиться своим ходом через Неву. Алексей Николаевич намеревался вкусно отужинать. Они договорились с Азвестопуло покутить в ресторане «Контан», что на Мойке возле Красного моста. Сергей осваивал новую для него роль богатого

человека. Вернувшись из Якутии с капиталами, он постепенно входил во вкус. В частности, нувориш повадился посещать с шефом дорогие заведения и изучать их кухню. Лыков раньше него освоил преимущества, которые дает богатство, и охотно делился с помощником сокровенными знаниями. Тот впервые мог платить за ужин сам. И теперь даже злоупотреблял этим.

Выйдя на Суворовской площади, сыщик опрометчиво двинул через Марсово поле. И вскоре пожалел об этом. В мирное время плац убирали солдаты лейб-гвардии Павловского полка. Сейчас они были на фронте, за исключением запасного батальона. А тыловики волюнили и плохо чистили плац от снега. Алексей Николаевич сбавил ход. Все же рейд в далекие студеные горы дался ему нелегко: возраст давал о себе знать.

Увязая в снегу по щиколотку, сыщик тихо бранился под нос. Он решил выбраться на Миллионную улицу и свернул к Мраморному дворцу. Тут из-за рождественских балаганов вылез долговязый парень в треухе, с наглыми глазами фартового.

— Эй, дядя! Сколько время? — спросил он дерзко.

Лыков ответил в тон ему:

— Без пяти минут не твое дело!

— Ишь как гундосит... А вот это, дядя, видал?

И налетчик вынул из кармана полушубка нож.

Статский советник вздохнул: опять... Не драться же с дураком? Он полез в подмышечную кобуру и извлек браунинг:

— А ты вот это видал, баранья голова?

Фартовый взвизгнул и бросился было наутек. Алексей Николаевич стрельнул ему под ноги, и тот сразу плюхнулся в снег:

— Не убивай, дядя, я сдаюсь!

Лыков приблизился, поставил ему на спину ногу и огляделся. Перед Мраморным дворцом разгуливал городской, но он не решился покинуть пост. Тогда сыщик вынул свисток и подал полицейский сигнал «ко мне!»: два длинных свистка, два коротких и снова два длинных. Тут же постовой подбежал к нему. Это оказался хорошо знакомый статскому советнику городской Первого участка Адмиралтейской части Савушкин.

— Что прикажете, ваше высокородие? Опять жулика поймали?

— Бери выше, Савушкин. Там где-то его ножик валяется, подбери.

Служивый поднял финку:

— Ого! Вооруженный грабеж! Арестантские роты.

— Пойдет к дяде дрова колоть, — согласился сыщик. ♦

Городовой поднял задержанного и обыскал.

— Чистый, ваше высокородие. Прикажете сдать в участок?

— Да, ступайте. Скажешь приставу, что письменное объяснение я пришлю завтра.

— Слушаюсь. Двигай копытами, кузькина позевота! Нашел на кого руку подымать — на самого Лыкова!

♦ У дяди дрова колоть — отбывать срок в исправительных арестантских отделениях (жарг.).

Алексей Николаевич рванул к Конюшенному ведомству. Здесь снег убрали, идти стало легче, и он бодро доковылял до ресторана. Помощник уже ждал его. Сергей с видом завсегдатая перелистывал меню. На столе красовались английская горькая водка и мексика.

— Ну наконец-то... Я тут скучаю, не знаю, что выбрать.

После объявления в стране запрета на продажу крепкого алкоголя его подавали лишь в ресторанах. Доктора могли выписать рецепт больному, нуждающемуся в лечебных дозах коньяка. Некоторые эскулапы уже сделали на этом состояния...

Авестопуло ворчливым тоном стал зачитывать, косясь на шефа:

— На первое официант рекомендовал суп пьемонтез, а на горячее — лангет де бёф пейзаж. Что скажете, господин специалист по шамовке? А еще есть суп перль де орж, утка маренго, консоме оро и севрюга стофато. С чего начнем?

Статский советник бесцеремонно вырвал у коллежского асессора меню:

♦ *Мизерабль* (фр.) — жалкое, несчастное существо.

— Дай сюда, мизерабль!♦ Учишь тебя, учишь, а толку нет. Я ведь в тот раз уже говорил: суп пьемонтез — это смесь из толченых сухарей, яиц и сыра с пряностями. Ее сбивают и потихоньку льют в горячую воду. Дрянь редкостная.

— М-м...

— Суп перль де орж не лучше. Пюре из перловой крупы с добавлением сливочного масла, яиц и тех же пряностей. Ну и мяса чуток.

— А...

Лыков не дал помощнику договорить:

— Утка маренго ничего, есть можно. Ее сначала обжаривают, потом тушат в белом вине, добавляя помидоры, грибы и чеснок.

— Но почему так назвали? — заинтересовался Сергей. — Ведь маренго — это цвет. Серый.

— Маренго — это город в Италии, где в тысяча восьмисотом году Наполеон победил австрийцев, — пояснил шеф. — Кстати, с большим трудом и благодаря цепи случайных везений. Он щеголял тогда в серой шинели, вот потому и назвали так цвет. А утку, или цыпленка, тут историки спорят, ему подали сразу после битвы. Тогда в нее добавляли яичницу с раками, но сейчас от этого отказались.

— Беру, — решил богатей. — А остальное как перевести на русский язык?

— Лангет бёф пейзаж — тонкие кусочки отбитой говяжьей вырезки, тушенные по-крестьянски, то есть с овощами и беконом. Ну, есть можно... А севрюга стофато — значит приготовленная в **печи**.

— Та-ак, — сурово сдвинул брови грек. — Севрюгу тоже беру, побалую организм. А ваше высокородие чем заполнит вечер?

Лыков опять зашуршал меню:

— Начну с консоме прентантьер. Мясной бульон с рублеными овощами. Вкусно! Далее, хочу жиго де мутон — запеченную заднюю ногу барашка. Мозги беарнез тоже хорошая штука: подаются с яично-масляным соусом, где мало белков и много желтков, а также тимьян, эстрагон и другие пряные травы...

Азвестопуло вынул блокнот и прилежно записал слова шефа:

— Поражу Машку, когда придем сюда вместе.

— Жене предложи гато франжипаль, это сладкие пироги с миндальным кремом.

— Запротоколировал, Алексей Николаич. Блесну — ух! Ну, начнем?

Несмотря на рождественский пост, в первоклассных ресторанах предлагали в большом выборе скоромные блюда. И то сказать: с началом войны люди стали меньше соблюдать такие обряды. Словно подозревали, что недолго осталось веселиться и надо набаловаться всласть...

Сыщики заказали каждый свои блюда и, не дожидаясь горячего, выпили по первой. На закуску шли буженина, тонко нарезанные сухие колбасы и медвежий окорок.

Спустя час осоловевшие и умеренно хмельные, Лыков с Азвестопуло вели разговор ни о чем. Оркестр лиристов услаждал их слух. По залу прошел и помахал статскому советнику Игнатий Игнатьевич Липский, директор «Контана» и популярный в столице человек:

— Как дела? Якши? Ну, слава богу!

Сергей вынул пачку дорогих папирос «диамант» и дымил не хуже паровоза. Он вспоминал холодные якутские реки, бухту Гертнера, спасительный миноносец на серых волнах, бой с бандитами в устье Сусумана. Алексей Николаевич вяло ему поддакивал. Сыщики выпили, не чокаясь, за упокой души Волкобая, похороненного у слияния Сусумана с Берелёхом♦. Тут мимо них прошла красивая дама в модном наряде. Алексей Николаевич проводил ее оценивающим взглядом и вдруг повернулся к помощнику:

— Однако мы с тобой слишком расслабились, Сергей.

Тот встрепенулся:

— Что не так?

— Позади нас сидит незнакомый человек, по виду — фартовый.

— Ну и что? Порядок не нарушает? Пьет-закусывает? Это не запрещено.

— Ты не понял. Он преступник. Глянь на него, только незаметно.

Коллежский ассессор скосил глаза и потянулся к рюмке:

— Да, рожа знатная. Я его тоже не знаю, но... явный маттоид♦♦. Однако что с того? Славный юноша. Может, он отсидел свое, а теперь празднует освобождение. И мы будем из-за него портить себе вечер?

— Будем, Сережа, — срезал его шеф. — Потому как его собутыльник не нравится мне еще больше, чем

♦ См. книгу «Адский прииск».

♦♦ *Маттоид* — здесь употреблено в неточном значении как человек с преступными наклонностями.

твой славный юноша. Заметил особенность его внешности?

— Типичный немец. Бритый, щеки аж лоснятся. Таких тысячи.

Алексей Николаевич понизил голос:

— Мы ведь воюем с германцами — забыл?

Азвестопуло никак не хотел прерывать ужин:

— Если германец, то сразу шпион, что ли? И он вот так, у всех на виду, в дорогом ресторане общается со своим агентом? А не проще на явочной квартире в Парголово, без свидетелей? Знаете, как это называется, Алексей Николаевич? Шпиономания.

Лыков замешкался. В самом деле, для свидания с агентом место выбрано неудачно. И глупо пороть горячку. Два приятеля выпивают. Пусть у одного из них наружность человека из блатного мира, но за это не арестовывают. Второй вроде михель♦. И что? Скомкать такой приятный вечер?

— Давай телефонируем в сыскную, чтобы прислали двух топтунов, — предложил старый сыщик молодому. — Пускай проследят за ребяташками. Утром узнаем, кто они такие.

— И продолжим угощаться? Тогда я пошел звонить.

Грек сорвался с места и направился в телефонную комнату. Только он скрылся за дверью, как незнакомец с лицом маттоида бросил на стол трешницу и тоже направился к выходу. Выждав паузу, статский советник двинул в гардероб. Однажды, много лет назад, он так

♦ Тогда в России нарицательное имя «михель» означало то же, что во время Великой Отечественной войны «фриц», то есть немец.

же интуитивно вышел из поезда на глухой станции, заподозрив в незнакомом попутчике опасного злодея и решив его проследить. И не ошибся. Тогда сыщик открыл банду, которая под видом лесных объездчиков жила в лесах Вязниковского уезда. Много лет разбойники нападали на Московском шоссе на экипажи, убивали ездоков, а тела зарывали в лесу. Свидетелей и улики не оставляли. Вокруг их сторожки потом обнаружили целое кладбище. Люди пропадали бесследно, полиция смотрела на это сквозь пальцы: нет трупа, нечего и дела заводить... Лишь профессиональная наблюдательность сыщика — а фартовых он видел за версту — помогла уничтожить опаснейшую шайку♦.

♦ См. повесть «Ночные всадники».

Получив свое пальто, Лыков вышел на улицу. Объект как раз сворачивал на Гороховую. Он обернулся — сыщик предвидел это и снуло поплелся к Мойке. Постоял у перил, глядя на застывшую рябь реки, и спиной почувал, что парень не ушел, а ждал за углом и высунулся — проверил, нет ли хвоста. Обычные люди так себя не ведут... Клюет, клюет! Только вот как выследить ночью столь осторожного преступника?

Алексей Николаевич поспешил к перекрестку и тоже свернул на Гороховую. Незнакомец удалился от него уже на пятьдесят метров (Лыков старался пользоваться метрической системой, которая все больше вытесняла старые сажени и аршины). Сыщик перешел на другую сторону улицы — так легче оставаться незамеченным — и зашагал следом.

Вдруг, почти дойдя до Казанской улицы, бывшей Кошкиной, фартовый шмыгнул в подворотню и был таков. Ворота в это время суток полагалось запирать! Не иначе, прежнего дворника призвали в армию, а его сменщик оказался ленив...

Движение на Гороховой было небольшое, и полицейский смог быстро пересечь ее. Шагнул в распахнутые ворота, прислушался. Шаги удалялись в сторону бывшего Николаевского сиротского, а ныне Женского педагогического института. Идти следом? Темно, безлюдно, парень тертый — можно нарваться на перо♦. Сыщик сунул руку за пазуху, взялся за ручку браунинга и медленно двинулся вперед, будучи настороже. Но, пока он дрейфил, блатной времени не терял, и вскоре послышался стук копыт. Лыков выбежал на Казанскую и увидел финский возок, быстро удаляющийся в сторону Невского проспекта. Проклятье!

♦ То есть на нож.

Поблизости не было ни одного экипажа, и объект слежки благополучно ушел от наблюдения. Злой как черт Алексей Николаевич вернулся в «Контан», но не обнаружил там ни своего помощника, ни предполагаемого германца. Ему оставалось только отправиться домой.

На квартире статский советник первым делом выпил для сугреву пару рюмок водки. После чего приволок стул в коридор и уселся возле телефонного аппарата. Он начал чистить канал ствола браунинга, браня под нос фартового с Марсова поля, добавившего ему

работы. А сам ждал сведений от помощника, и не обманулся. Через сорок минут раздался звонок. Лыков снял трубку и услышал голос Азвестопуло:

— Шеф, это вы?

— Да. Говори.

— Я проследил бритого до гостиницы «Митава». Действительно, русскоподданный немец, звать Теодор Генрихович Веделе. Проживает постоянно в Москве, комиссионер по бурому и коксующемуся углю. Завтра наведу о нем справки и в полиции, и в контрразведке. А у вас как?

— Обдурил меня фартовый, — пожаловался Лыков. — Умчался на вейке♦, даже рукой не помахал.

— И?

— Утром проверю его по картотеке. Спи, ты молодец. В отличие от меня...

— Шеф, не расстраивайтесь. Вспомните, какая была утка маренго!

— Только ею и утешаюсь. Приходи завтра пораньше, будем вместе искать этого прохвоста.

На другой день розыски фартового не задались с самого начала. Опознать его можно было лишь по фотокарточке, а как отыскать такую в огромном архиве Департамента полиции? Сотни тысяч сигналитических карточек! К вечеру Азвестопуло добавил огорчений. Теодор Веделе был хорошо известен контрразведке по подозрению в шпионстве. Вроде бы его неотступно водят по Первопрестольной филеры охранного

♦ Вейками питерцы называли финнов, подряжавшихся на Рождество в столицу катать веселящуюся публику.